

П М Головачев

**Сибирь в Екатерининской
коммиссии**

**Этюд по истории Сибири XVIII
века**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 91
ББК 26.8
Г61

Г61   **Головачев П.М.**
Сибирь в Екатерининской комиссии: Этюд по истории Сибири XVIII века /
П М Головачев – М.: Книга по Требованию, 2013. – 125 с.

ISBN 978-5-518-06371-6

ISBN 978-5-518-06371-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ли отъ контроля, при неограниченныхъ полномочіяхъ, точно такъ же, какъ развитіе злоупотребленій, не встрѣчая ни откуда препятствій, явилось естественнымъ при отдаленности края и при тѣхъ искушеніяхъ къ обогащенію, какія представлялъ край. На это указалъ въ послѣдствіи Козодавлевъ въ замѣткѣ своей, внесенной въ государственный совѣтъ¹⁾. Петровскіе указы о лихоимствѣ вызваны, главнымъ образомъ, злоупотребленіями въ Сибири. Первое донесеніе фискаловъ, учрежденныхъ въ 1714 г., досталось на долю Сибири. По донесенію сибирскаго провинціалъ-фискала, всѣ служащіе въ Сибири чиновники, да и самъ губернаторъ, а также и его служители, берутъ взятки и чинятъ разореніе народу. „Сильная, почти безграничная, власть обыкновенно поручалась одному лицу. Это единоличное правленіе могло менѣ всего способствовать надзору и выбору безукоризненныхъ агентовъ. На Сибирь, кромѣ того, утвердилось съ самаго древняго времени воззрѣніе, какъ на завоеванную и промышленную колонію. Нажива и поборъ развивались съиздавна. Духъ спекуляціи переходилъ отъ частныхъ лицъ на служилыхъ людей. Воеводы торговали мѣхами, виномъ, зерною и проч. Они дѣлали безцеремонные поборы; въ послѣдствіи, послѣ преслѣдованій и каръ, а также съ учрежденіемъ чиновничьяго управленія, съ Петра, поборъ сталъ болѣе утонченный и скрытый. Нравы прежнихъ служилыхъ людей перешли и къ старымъ приказнымъ, при крутой реформѣ Петра отъ бояръ-воеводъ къ губернаторамъ. Отдаленность страны представляла всѣ шансы скрывать злоупотребленія. Въ случаѣ доносовъ и жалобъ канцелярскій міръ прикрывался цѣлыми массами бумагъ, запутывалъ дѣла перепиской, и казуистическая процедура облегчала выходъ взяточникамъ. Не возможно было усмотрѣть за подчиненными ни главному начальству, ни правительству за главнымъ на-

---

1) „Сибирь какъ колонія,“ 303.

чалъствомъ“¹⁾. Сами правительственныя узаконенія давали воеводамъ громадную власть. Изъ наказа губернаторамъ, воеводамъ и ихъ товарищамъ отъ 28 сентября 1728 г. видно, что „администрація того времени носила характеръ патріархальный. Въ лицѣ воеводы соединялась административная и исполнительная власть. Отъ него зависѣли присутственныя мѣста. Судъ и расправа воеводская творилась по уложенію и указамъ, согласно его взгляду и пониманію вопроса. Полномочія были почти безграничны, потому что, судя по воспрещенію воеводѣ чинить смертную казнь, предоставивъ это право губернаторамъ, надо думать, что до наказа воеводы, если не были властны надъ жизнью и смертію обывателей, то все же учиняли таковую. Могущество воеводъ возрастало прямо пропорціонально отдаленности ихъ резиденцій отъ провинціальныхъ и губернскихъ городовъ, такъ какъ губернаторы имѣли право ихъ вытребовать только на 2 недѣли; отсюда вытекаетъ, что наибольшей безконтрольностью, а слѣдовательно, и произволомъ, пользовались воеводы сибирскихъ городовъ, особенно Якутска, Нерчинска, начальники Камчатки. При массѣ обязанностей, возложенныхъ на воеводъ, они, по необходимости, должны были предоставить большія полномочія въ веденіи писмоводства служащимъ въ присутственныхъ мѣстахъ, и приказный элементъ выросъ, развился, окрѣпъ и истомилъ волокитой и хожденіемъ по дѣламъ все населеніе“²⁾. Фактическая сила сибирскихъ воеводъ была такъ велика, что они часто утаивали самые царскіе указы, подкаблывали ихъ, подлинныя скрывали, а подложныя держали у себя. Имъ не были страшны сами фискалы: изъ указа отъ 27 іюня 1729 г. видно, что губернаторы отрѣшались отъ должностей фискаловъ, которые имъ были не любы. Самихъ губернаторовъ нужно было иногда

---

¹⁾ Ibid, 318.

²⁾ Андріевичъ. „Историческій очеркъ Сибири.“ II. 130.

отрѣшати отъ должности силой, какъ поступилъ Сухаревъ съ иркутскимъ вице-губернаторомъ Желобовымъ; слѣдователя Крылова нужно было устранить также силой. Есть преданіе, что губернаторъ князь Гагаринъ чувствовалъ себя настолько независимымъ отъ высшаго правительства, что хотѣлъ отдѣлить Сибирь отъ Россіи. Вслѣдствіе патріархальности и фактического могущества воеводскаго управленія въ Сибири и вслѣдствіе неустойчивости и переменчивости правительственныхъ взглядовъ на Сибирь, она представляла широкую арену для бюрократической регламентаціи всякаго рода. Это давало поводъ отдѣльнымъ администраторамъ, часто совершенно не знавшимъ дѣйствительнаго положенія дѣлъ, проводить свои реформы, принудительно переиhrаивать жизнь общества. Для иллюстраціи достаточно припомнить десятинную пашню Соймонова съ приписью 3400 бобылей въ обязательныя работы, обязательныя сѣянія пеньки, приписки и переселенія людей на рудники и заводы, искусственное созданіе казачьяго войска съ приписью крестьянъ и поселенцевъ. Регламентация проникла и въ частную жизнь: крестьянамъ даютъ приказы не отлучаться на ночь изъ дома, Чичеринъ съ командой ѣздитъ около города наблюдать за работами и проч.

Кромѣ общихъ причинъ, способствовавшихъ крайней деморализаціи сибирской администраціи, важное значеніе имѣла еще одна, частная—полное отсутствіе хотя какого нибудь образовательнаго ценза у сибирскихъ чиновниковъ, набиравшихся совершенно случайно, что констатировано и самимъ правительствомъ въ указѣ отъ 12 янв. 1739 г. „Извѣстно намъ учинилось, говорить этотъ указъ, что во многихъ городахъ сибирской губерніи опредѣлены воеводами изъ тамошнихъ обывателей, а именно: изъ купечества и казаковъ, и прочихъ тому подобныхъ, которые браны въ рекруты и дослужились офицерскихъ ранговъ, въ томъ числѣ не умѣющіе грамотѣ, а иные и не служа, вѣрнѣе написаны изъ

казаковъ въ дворяне и воеводы, такожь и бывшіе у нѣкоторыхъ персонъ въ холопствѣ, да и такіе, которые бывали въ розыскахъ и наказаніяхъ, и потомъ черезъ ихъ происки, воеводами жъ опредѣлены; а понеже оныя люди произыскиваютъ не для того, чтобы имъ радѣніе къ труду показать, но чтобы самимъ обогащаться и только въ правленіи дѣлъ добраго порядка исполненіе государственныхъ доходовъ ожидать отъ нихъ невозможно“. (П. С. З. № 6553). Но даже само правительство, назначая воеводъ, было неразборчиво. Такъ въ 1726 г. въ Якутскъ былъ назначенъ воеводой нѣкій Скорняковъ-Писаревъ, лишенный правъ, наказанный кнутомъ и сосланный незадолго до этого за какія то уголовныя дѣла въ Жиганскъ. Поголовное, стихійное злоупотребленіе сибирскихъ чиновниковъ было извѣстно всѣмъ и каждому, даже и самому высшему правительству. Въ указѣ отъ 27 іюля 1740 г., которымъ велѣно выбрать 6 кандидатовъ на губернаторскій постъ въ Сибири на мѣсто Бутурлина, читаемъ: „а прежній губернаторъ Бутурлинъ, за старостью и слабымъ здоровьемъ, дѣлъ управлять не можетъ; а понеже правящему сенатъ довольно извѣстны, что оныя мѣста весьма отдаленныя, къ тому жъ въ управленіи дѣлъ отъ времени до времени разныя конфузїи и непорядки произошли и отъ того въ сборѣ казны... великій чинится ущербъ, сверхъ того отъ лакомства тамошнихъ городовъ воеводъ и другихъ управителей обыватели несносно претерпѣваютъ разореніе, что по многимъ слѣдственнымъ дѣламъ явно показалось... того для надлежитъ выбрать человѣка, любящаго правосудіе, честнаго, трудолюбиваго и богобоязненнаго, человѣка, который бы могъ охранять бѣдныхъ людей отъ обидъ и другихъ насильственныхъ причинъ“. (П. С. З. № 7730). Изъ указа отъ 1 февраля 1740 г., гдѣ объявлена резолюція на докладные пункты Иркутскаго вице-губернатора Ланга, видно, что изъ 28 воеводъ, выбранныхъ императрицей изъ числа пред-

ставленныхъ ей кандидатовъ, лучшихъ приказано опредѣлить въ Якутскъ и Нерчинскъ, потому что, по донесенію Ланга, „для лучшей пользы потребно быть, чтобы въ Якутскъ и Нерчинскъ такіе воеводы опредѣлены были, которые бы были добросовѣстны... особливо, что въ сихъ 2-хъ уѣздахъ наилучшая мягкая рухлядь“. (П. С. З. № 8017). Часто самыя благожелательныя мѣропріятія правительства на сибирской почвѣ перерождались въ тягости для населенія, что особенно замѣтно на дозволеніи для Сибири отбывать разные наряды не натурой, а деньгами. Такъ иногда позволялось замѣнять рекрута, особенно изъ Восточной Сибири, 10 руб. денегъ; трудность доставки рекрутъ изъ Сибирскихъ губерній была очевидна и ярко бросалась въ глаза; да при томъ доимка не доставленныхъ рекрутъ изъ Сибири была невозможна, такъ какъ тамъ не существовало помѣщичьяго класса—отвѣтственнаго элемента, и губернаторы, въ виду громадности пространства и рѣдкости населенія, были не въ силахъ легко и быстро исполнять повелѣнія высшей власти. Точно также при Петрѣ участіе Сибири въ разныхъ государственныхъ работахъ (постройка Кронштадта, устройство ямовъ между Петербургомъ и Москвою, Петербургомъ и Новгородомъ), за дальностью разстоянія, было денежное. Но и это облегченіе для сибиряковъ было не такъ велико, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда: „Если притѣсненія народа со стороны сборщиковъ податей, подъячихъ и другихъ служилыхъ людей были велики вездѣ въ Россіи, то можно себѣ вообразить, какъ тягостны они должны были быть въ Сибири, а особенно Восточной, болѣе и чаще отбывающей наряды деньгами, чѣмъ натурой“, говоритъ г. Андріевичъ ¹⁾. Нужно замѣтить при этомъ, что деньги въ старинной Сибири были крайне рѣдки. Но при самыхъ благихъ намѣреніяхъ правительства и даже при

---

¹⁾ Андріевичъ. „Историческій очеркъ Сибири“. II, 96.

гораздо лучшемъ подборѣ правительственныхъ агентовъ, (положеніе дѣлъ въ Сибири въ первую половину 18 в. не могло улучшиться вслѣдствіе кореннаго недостатка высшей власти Россіи того времени—безпринципности, отсутствія опредѣленныхъ руководящихъ взглядовъ на Сибирь.) „Въ теченіе почти всего XVIII в. вѣдѣніе судьбами Сибири представляло пеструю и постоянно измѣнявшуюся картину. Сибирскій приказъ съ подчиненіемъ сенату утратилъ всякое значеніе. Со своей стороны сенатъ, обремененный массою дѣлъ, не могъ имѣть времени для разрѣшенія текущихъ вопросовъ сибирскаго управления. Множество самостоятельныхъ центральныхъ вѣдомствъ, другъ отъ друга не зависѣвшихъ, рѣшавшихъ сибирскія дѣла, породило разрозненность и спутанность въ управленіи. Власть, потерявъ единство, не нашла гармоніи и въ Сибири. Вначалѣ мѣстное управленіе раздвоилось: подлѣ тобольскаго губернатора явился независимый отъ него иркутскій вице-губернаторъ. Въ 1764 г. Сибирь раздѣляется окончательно на 2 губернаторства. Введеніе губернскаго управленія умножило въ Сибири число инстанцій, увеличило переписку, а съ нею медленность производства и преобладаніе канцелярій, открывавшія широкую дверь своеволю и злоупотребленіямъ“ ¹⁾. При воцареніи Екатерины взглядъ на Сибирь опять измѣнился; въ немъ замѣтно обыкновенное стремленіе къ эффекту и внѣшней оригинальности, но не видно особеннаго знанія мѣстныхъ условій. „Екатерина видѣла въ Сибири обширную инородческую колонію, говоритъ г. Ядринцевъ, и рѣшилась дать ей права подчиненнаго царства. Она принимаетъ мѣры къ улучшенію быта инородцевъ, водворяетъ покровительство торговлѣ бухарцевъ, обѣщаетъ создать изъ нихъ особую торговую думу для цѣлой Сибири съ дѣлопроизводствомъ на бухарскомъ языкѣ, уничтожаетъ казенныя

---

¹⁾ Ядринцевъ. „Сибирь какъ колонія“ 299. (Изъ г. Фойницкаго).

монополии, наконецъ, наименовываеъ Сибирь царствомъ, даетъ ему особый гербъ съ двумя соболями и чеканить особую сибирскую монету. Въ Tobольскѣ символомъ царской власти, подъ покровительствомъ которой считается это инородческое царство, поставлень былъ тронъ, на которомъ сибирскій намѣстникъ принималъ свидѣтельства вѣрноподданства отъ хана средней киргизской орды и остяцкихъ князей. Конечно, было странно видѣть, что край, все болѣе и болѣе заселяемый русскими, вдругъ какъ бы обратно названъ былъ инородческимъ царствомъ, съ предоставленіемъ особаго покровительства и даже автономіи инородцамъ. Но это объясняется не столько тѣмъ, что императрица Екатерина хотѣла обратить Сибирь въ первобытныя формы татарскаго царства, сколько ея реформаторскими планами, которые она имѣла въ виду относительно цѣлой Россіи, и которые не могли не коснуться и Сибири. Въ этомъ случаѣ она скорѣе пробовала создать нѣчто въ родѣ отдѣльнаго и мѣстнаго управленія на подобіе колоніальныхъ европейскихъ правительствъ. Планъ этотъ не былъ окончательно приведенъ въ исполненіе и не былъ завершенъ, но за то отъ него осталась въ Сибири обширная намѣстническая власть“ ¹⁾. Лучшимъ доказательствомъ этого, по нашему мнѣнію, служить то, что въ 1768 г. тѣ группы російскихъ подданныхъ, которыя особенно нуждались въ защитѣ, и въ судьбѣ которыхъ Екатерина, повидимому, принимала живое участіе,—именно кочевые сибирскіе инородцы,—почти совсѣмъ не имѣли своихъ представителей, хотя бы въ видѣ опекуновъ, какого имѣли, напр., самоѣды. Сильныя и многочисленныя племена, вродѣ якутовъ, тунгусовъ и пр., не могли имѣть представителей только потому, что они считались кочующими; между тѣмъ какая нибудь ничтожная Мангазея могла—это былъ городъ. Между тѣмъ

---

¹⁾ „Сибирь какъ колонія“, 338.

это былъ прекрасный случай для обездоленныхъ сибирскихъ инородцевъ, — не говоримъ участвовать въ составленіи новаго уложенія, — а просто заявить высшей власти о своихъ тягостяхъ и нуждахъ. Изъ этого бѣглаго очерка старинныхъ сибирскихъ порядковъ, нравовъ сибирской администраціи (пункта очень важнаго для страны безъ общественной жизни, безъ общественного самосознанія), наконецъ, неустойчивыхъ, колеблющихся взглядовъ самого правительства на эту окраину, — достаточно ясно, какое значеніе для Сибири могла имѣть Большая комиссія, въ которой и этому отдаленному краю давалась возможность познакомить правительство со своей неприкрашенной дѣйствительностью.

II.

Екатерининская комиссія для составленія новаго уложенія имѣетъ то несомнѣнное, неоспоримое и очень важное значеніе, что тогда впервые въ новой русской исторіи раздался голосъ хотя и не всего народа, но всетаки той его части, которая имѣла вліяніе на ходъ общественной жизни. Откровенно высказываемыя дѣйствительныя нужды, горячо защищаемыя шаткія и сомнительныя притязанія, — все это ярко обрисовываетъ дѣйствительное положеніе вещей и умственный и нравственный обликъ дирижирующихъ классовъ русскаго общества половины прошлаго вѣка. Въ комиссіи, этой этнографической и сословной выставкѣ, нашли себѣ мѣсто всѣ области и сословія Россіи того времени; нашла его и Сибирь, представители которой хотя и играли не важную роль въ смыслѣ авторитетности ихъ мнѣній, но за то довольно часто и усердно подавали признаки жизни. Ихъ просьбы, жалобы, мнѣнія имѣютъ большую цѣну для изслѣдователя, потому что показываютъ дѣйствительную жизнь, доносятъ отзвуки живыхъ человѣческихъ голосовъ изъ классической страны

безгласія и бюрократическаго, казоваго многописанія. Количество сибирскихъ депутатовъ въ комисіи доходило до 29 человѣкъ, т. е. 5% общаго числа депутатовъ; изъ нихъ 6 черезъ нѣкоторое время передали свои депутатскія права и обязанности другимъ и 3 умерло, т. е., выбыло 31%. Въ различныя частныя комиссіи баллотировалось 9, т. е. 31% общаго числа сибирскихъ депутатовъ. Какъ видно, отъ баллотировки въ эти частныя комиссіи (коихъ было 19) сибярики не уклонялись, но попали только немногіе—всего 3. Алексѣй Сибиряковъ баллотировался 4 раза и, наконецъ, едва попалъ въ комиссію о почтахъ и гостинницахъ; депутатъ отъ казаковъ сибирскихъ линій Анциферовъ и тарскій депутатъ Бекишевъ 2 раза баллотировались неудачно. Свои мнѣнія подавали 11 человѣкъ, т. е. почти 38%.

Изъ вѣдомости о числѣ депутатовъ за іюль 1767 г. видно, что сибирскіе депутаты по числу и по сословіямъ располагались къ этому времени въ такомъ порядкѣ:

	Дворяне.	Горожане.	Казаки.	Поселяне.	Иновѣрцы.
Сибирская г. —	10	2	4	2	
Иркутская г. --	5	—	1	2	
					26 ¹⁾ .

Изъ общаго числа горожанъ (207) Сибирь дала около 7%, поселянъ (78) приблизительно 6%, казаковъ (54)—около 4%, иновѣрцевъ (32)—около 13%. Въ депутаціи для принесенія поздравленія государынѣ отъ Сибири участвовало двое: депутатъ отъ Сибирской губернии отъ черносошныхъ крестьянъ Бархатовъ и отъ тобольскихъ, тарскихъ и тюменскихъ бухарцевъ Иса

1) 27-й, князецъ Сырановъ изъ Конгаланскаго улуса, прибылъ только 17 октября 1769 г. и допущенъ депутатомъ, когда стало извѣстно, что „оныя якуты не точно кочевые, но зиму проводятъ въ своихъ жилищахъ.“ Кромѣ того, тутъ еще не показано 2 депутата отъ ясачныхъ новокрещенъ, которые по всей вѣроятности прибыли впослѣдствіи.

Абдрахмановъ. Таково участіе сибирскихъ депутатовъ въ Екатерининской комиссіи, выраженное языкомъ цифръ. По обряду выборовъ, подтвержденному самой Екатериной, жители каждаго города выбирали одного депутата, а города, имѣющіе меньше 50 обывателей, могли присылать и не присылать депутата. Избирать могъ всякій, имѣющій въ городѣ домъ и торгъ, или домъ и ремесло, или домъ и промыслъ. Въмѣсто дворянскаго предводителя избирался городской голова, не моложе 30 лѣтъ, „не банкротный, не бывшій въ штрафахъ и подозрѣніяхъ, не обличенный въ явныхъ порокахъ“. Титулъ его былъ „степенный.“ Отсутствующіе и женщины въ выборахъ не участвовали. Отъ государственныхъ черносошныхъ крестьянъ на каждую провинцію полагалось по одному депутату по такому разсчету: съ провинцій, гдѣ ихъ было до 200000—по 4, гдѣ до 100000—по 2, а съ прочихъ по одному. Въ сибирской губерніи государственныхъ крестьянъ считалось 107098, а въ иркутской — 27453; поэтому отъ 2-хъ провинцій (Тобольской и Енисейской) было выбрано 2 депутата, отъ приписныхъ крестьянъ къ заводамъ Екатеринбургскаго вѣдомства 2; изъ иркутской губерніи 1 отъ государственныхъ крестьянъ Иркутской провинціи; такимъ образомъ составилось 5 представителей-крестьянъ ¹⁾. Выборы депутата отъ крестьянъ были не прямые. Для его избранія прежде всего избирался уѣздный повѣренный отъ каждаго погоста. по обычаю каждой мѣстности; впрочемъ, погостъ могъ и не присылать своего повѣреннаго (вообще, крестьяне, въ случаѣ нежеланія, могли и не высылать депутатовъ). Право выбора погостнаго повѣреннаго представлялось всякому, имѣвшему въ погостѣ домъ и землю. Погостный повѣренный долженъ былъ имѣть не

---

¹⁾ По ревизіи 1766 г. жителей въ Сибири считалось 295051 человекъ (въ тобольской губ. 130929 въ, енисейской провинціи 126523, въ иркутской губ. 37599). См. г. Андріевича „Краткій очеркъ сиб. ист.“ IV.